

Дуглас СТЮАРТ

ШАГГИ БЕЙН

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С88

Douglas Stuart
SHUGGIE BAIN

Copyright © 2020 by Douglas Stuart

Фотография на обложке:
© Peter Marlow / Magnum Photos / East News.

Перевод с английского *Григория Крылова*

Художественное оформление *Виктории Лебедевой*

Стюарт, Дуглас.

С88 Шагги Бейн / Дуглас Стюарт ; [перевод с английского
Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-04-122037-2

Агнес Бейн, когда выпьет, спит крепко. Малыш Шагги ставит ей на тумбочку четыре кружки. Вода — утихомирить похмелье. Молоко — успокоить желудок. Остатки выдохшегося стаута — снять напряжение в костях. Отбеливатель для зубов — освежить дыхание. Его он на всякий случай подписывает: «Не пить, ОПАСНО».

Шагги всего лишь лет восемь, но он уже понимает: он изо всех сил хочет помогать матери и быть как все, «нормальным мальчишкой». А жизнь, как назло, часто несправедлива к самым искренним детским мечтам.

Это душераздирающая история о безусловной детской любви. А еще о зависимости, о стране, которую раздвигает безработица, и о том, как сложно стать своим в обществе, от которого ты хоть на крупицу отличаешься.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-122037-2

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*Моей матери А. Е. Д.
посвящается*

1992
САУТ-САЙД

ОДИН

День был серый. В это утро разум покинул его и оставил тело блуждать внизу. Под флуоресцентными лампами порожнее тело апатично выполняло рутинные действия, тогда как его душа витала над проходами и думала только о завтрашнем дне. Завтра — вот чего стоило ждать с таким нетерпением.

Шагги¹ методично готовился к своей смене. Все маслянистые осадки из кастрюль были слиты в чистые подносы. Кромки протерты от брызг, которые быстро буреют и уничтожают иллюзию свежести. Ломтики окорока красиво разложены на тарелке и украшены искусственными цветочками петрушки, оливки развернуты так, чтобы вязкий сок стекал, словно слизь, на их зеленую кожуру.

Энн Макги имела наглость позвонить этим утром и снова сказать больно́й, оставив его один на один с неблагодарной задачей обслуживать его прилавок деликатесов и ее гриль-бар. Ни один день не начинался хорошо, если тебе предстояло прожарить шесть дюжин сырых курочек, а сегодня — надо же, чтобы именно сегодня — все это лишало его сны наяву сладости.

Он нанизал всех холодных, мертвых птиц на промышленные шампуры и аккуратно установил в ряд. Они лежали там, словно безголовые младенцы, со щетинистыми

¹ Имя Шагги — уменьшительное от Шаг, производного от имени Хью (Hugh). — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано другое.*

крылышками, скрещенными на их маленьких жирных грудках. Было время, когда он возгордился бы таким порядком. Вообще-то пронзить пупырчатую розовую плоть не составляло труда. Сложнее было сопротивляться желанию сделать то же самое с покупателями. Они прижимались к горячему стеклу и внимательно разглядывали каждое тельце. Они выбирали только лучших птиц, не давая себе отчета в том, что выращивание по методу «клеточной батареи» обеспечивает полную одинаковость продукта. Шагги стоял, пожевывая щеку задними зубами, и позволял себе реагировать на их нерешительность натянутой улыбкой. А потом пантомима начиналась по-настоящему. «Дай-ка мне сегодня три грудки, пять ножек и тока одно крылышко, сынок».

Он молился, чтобы господь дал ему силы. Почему больше никто не покупает целую курицу? Он поднимал тушку длинной вилкой, стараясь не прикасаться к птице своими руками в перчатках, потом аккуратно, оставляя шкурку, разрезал тушку поварскими ножницами. Он чувствовал себя полным идиотом, когда стоял, освещаемый огнем жаровни. Голова потела под сеточкой для волос, рукам не хватало силы, чтобы искусно разрезать спинку тупыми ножницами. Он слегка горбился, чтобы наилучшим образом направить свои спинные мышцы на помощь запястьям, и все время улыбался.

Если же ему сильно не везло, курочка соскальзывала со щипцов и шлепалась на грязный пол. В таком случае ему приходилось делать виноватое лицо и доставать другую птицу, но грязная тушка у него никогда не пропадала. Когда женщина отворачивалась, он возвращал птицу с пола к ее сестрам под жаркий желтый свет. Он вполне себе верил в необходимость соблюдения гигиены, но эти маленькие частные победы помогали ему выпустить пар. Большинство критиканствующих мужеподобных домохозяек, покупавших у него провизию, заслуживали нахлобучки. Его загрибок покрывался краской, когда

они свысока смотрели на него. В особенно плохие дни он напихивал в тарамасалату¹ самые разные виды своих телесных выделений. Он продавал это буржуазное говно в огромных количествах.

Он работал у Килфизеров уже больше года. У него и в мыслях не было задерживаться здесь так долго. Просто ему приходилось кормить себя и каждую неделю платить за жилье, а на работу его брали только в супермаркет. Мистер Килфизер был тот еще скупердядй: он предпочитал нанимать тех, кому можно не платить полное взрослое жалованье, и Шагги обнаружил, что может работать короткими сменами, подгоняя их под свое нерегулярное школьное расписание. В своих снах наяву он все время собирался выйти в люди. Ему всегда нравилось расчесывать волосы, играть с ними — единственное занятие, за которым время летело стрелой. Когда ему стукнуло шестнадцать, он пообещал себе, что поступит на парикмахерское отделение колледжа, расположенного к югу от реки Клайд. Он собрал все свои творческие идеи, скетчи, которые перерисовывал из каталога «Литтлвудс», и страницы, вырванные из журналов «Санди». Потом он отправился в Кардональд-колледж² узнать о вечерних занятиях. Он вышел из автобуса на остановке близ колледжа вместе с полудюжиной восемнадцатилетних ребят. Одеты они были по последнему писку моды и говорили со звонкой самоуверенностью, скрывавшей их волнение. Шагги двигался в два раза медленнее их. Когда они исчезли за дверью колледжа, он перешел на другую сторону улицы и сел в обратный автобус. На следующей неделе он начал работать у Килфизеров.

¹ Тарамасалата — блюдо греческой кухни. Представляет собой смесь из копченой тресковой икры, лимонного сока, оливкового масла и чеснока.

² Кардональд-колледж — институт дополнительного образования в Глазго. — *Прим. ред.*

Большую часть утреннего перерыва он провел, размышляя о помятых консервных банках в уцененных товарах. Он нашел три маленькие консервные банки шотландского лосося, они были почти целехонькие, только этикетки ободраны. На остатки своего жалованья он купил, как обычно, немного овощей, положил рыбные консервы в свой старый рюкзак, запер все в своем шкафчике. Он поднялся по лестнице в столовку для персонала и, проходя мимо стола, за которым сидели студенты, постарался напустить на себя беззаботный вид; этим студентам доставались легкие летние смены, а во время перерывов они с важным видом сидели, обложившись папками с учебными пособиями. Он, устремив взгляд куда-то вдаль, сел за угловой столик поблизости от девиц-кассирш.

На самом деле девицы были тремя жительницами Глазго средних лет. Эна, их предводительница, была тощая как жердь женщина с лицом покериста и сальными волосами. Брови у нее были совсем незаметные, но зато под носом красовались реденькие усики, и Шагги это казалось несправедливым. Эна была женщиной грубоватой даже для этого района города, что не мешало ей быть доброй и щедрой, какими нередко бывают люди, которым нелегко живется. Нора, младшая из этой троицы, носила прилизанные волосы, туго стянутые сзади резинкой. Глаза у нее, как и у Эны, были маленькие, взгляд пронзительный, в свои тридцать три она была матерью пятерых детей. Последней в группе была Джеки. Она не походила на двух других тем, что очень напоминала женщину. Джеки была безудержной сплетницей, крупной, пышногрудой — не женщина, а мягкий диван. Именно она больше всех и нравилась Шагги.

Он сидел рядом с ними и слушал окончание саги о последнем любовнике Джеки — добродушная болтовня этих женщин была гарантирована, как всегда. Они уже два раза брали его на вечерние розыгрыши бинго, и пока женщины выпивали и истошно хохотали, он сидел сре-

ди них, как подросток, которого нельзя оставлять одного дома. Ему нравились их непринужденные посиделки. Нравилось быть в окружении их тел и мягкости их плоти, которую он ощущал боками. Нравилось, что они носились с ним, и, хотя он и возражал, нравилось, когда они убирали челку с его глаз или облизывали большие пальцы, чтобы вытереть уголки его рта. Шагги оказывал этим женщинам нечто вроде мужского внимания, и не имело значения, что ему всего шестнадцать лет и три месяца. Под бинго-столами в «Ла Скала»¹ они все по очереди пытались хотя бы по разу пройти рукой по его члену. Эти касания были слишком продолжительными, слишком взыскующими, а потому сомневаться в их неслучайности не приходилось. Для безбровой Эны это занятие могло превращаться чуть ли не в крестовый поход. Чем больше она выпивала, тем более бесстыдной становилась. При каждом мимолетном прикосновении к нему своими окольцованными пальцами она прикусывала высунутый язык зубами и устремляла горячий взгляд на его щеку. Когда Шагги наконец вспыхивал от смущения, она недовольно цокала, а Джеки посылала двухфунтовые купюры по столешнице в сторону сияющей победоносной Норы. Конечно, они чувствовали разочарование, но, выпив еще, решали, что по большому счету не были отвергнуты. Что-то в этом пареньке было не так, и этому они по меньшей мере могли посочувствовать.

Шагги сидел в темноте, слушая прерывистый храп за стенами съемной комнаты. Он пытался, но никак не мог не замечать этих одиноких людей, не имеющих никакой родни. От утренней прохлады его голые бедра приобрели синеватый оттенок шотландки, а потому он для тепла за-

¹ «Ла Скала» — один из первых кинотеатров в Глазго, впоследствии здание неоднократно перестраивалось, в частности, его залы использовались для бинго — игры, сходной с игрой лото.

вернулся в тонкое полотенце и принялся нервно жевать его уголок, наслаждаясь тем, как материя чавкает у него между зубами. Он выложил остатки своего жалования на краешек стола и принялся раскладывать монетки сначала по их номиналу, потом по новизне и блеску.

Розоволицый человек из соседней комнаты заскрипел, просыпаясь. Он шумно чесался на своей узкой кровати, потом выдохнул молитву, чтобы найти в себе силы подняться. Его ноги с глухим стуком ударились об пол, как тяжелые пакеты с мясом, потом он прошаркал по полу комнатухи к двери, что, судя по звукам, далось ему, видимо, не без труда. Он несколько секунд возился со знакомыми замками, потом вышел в вечно темный коридор, вслепую нащупывая путь по стене, потом остановился перед дверью Шагги. Мальчик затаил дыхание, когда пальцы прошли по декоративной резьбе на его двери. И только услышав щелчок выключателя в туалете, Шагги снова пошевелился. Старик начал отхаркиваться, кашлем возвращая свои легкие к жизни. Шагги пытался не слушать, как тот мочится, одновременно сплевывая мокроту в унитаз.

У утреннего света был цвет чая, щедро разбавленного молоком. Он проник в комнату, как зловредный призрак, пересек ковер и медленно подобрался к его голым ногам. Шагги закрыл глаза и попытался почувствовать, как этот свет подползает к нему, но в прикосновении этих лучей не ощущалось тепла. Он ждал, пока не решил, что утренняя заря, вероятно, накрыла его целиком, и только тогда распахнул глаза.

Они отвечали на его взгляд: сотня пар нарисованных глаз — все, как и всегда, с разбитыми сердцами или одинокие. Фарфоровые балерины со щеночками, девочка-испанка с танцующими моряками, розовощекий мальчонка с фермы, ведущий свою ленивую ломовую лошадь. Шагги аккуратно расставил эти украшения на подоконнике эркерного окна. Он целыми часами сочинял их вымыш-

ленные истории. Толсторукий кузнец среди певчих с ангельскими лицами. Или его любимое: семь, или сколько уж их там, гигантских котят, улыбающихся и грозящих ленивому пастушку.

Все эти фигурки хотя бы немного оживляли безликую комнату. В высоту она была больше, чем в длину, а его однопальная кровать расположилась посредине, как разделительная полоса. С одной стороны стояло старомодное деревянное канапе, тощие подушки которого позволяли сидящему постоянно чувствовать спиной перекладинки. С другой стороны стояли небольшой холодильник и плита «Бейби Беллинг» с двумя конфорками. Кроме кровати с мятым бельем, все здесь было на своем месте: никакого хлама, никакой вчерашней одежды, никаких признаков жизни. Шагги попытался успокоить себя, выравнивая разномастные простыни. Он подумал о том, как бы его мать ненавидела это постельное белье, несовпадающие цвета и рисунки, наложенные друг на друга, словно ему все равно, что подумают о нем люди. Этот непорядок стал бы уколом для ее гордыни. Когда-нибудь он накопит денег и купит себе новые простыни, мягкие, теплые и все одноцветные.

Удача ему улыбнулась — он нашел это жилье в меблированных комнатах миссис Бакш. Ему повезло, что его предшественник любил выпить и это привело его в тюрьму. Большое эркерное окно высокомерно нависало над Алберт-драйв, и Шагги предположил, что когда-то эта комната была частью весьма приличной квартиры на три спальни. Ему удалось заглянуть мельком в другие комнаты в доме. Кухня, которую миссис Бакш превратила в меблирашку, сохранила свой исходный пол с линолеумом в шашечку, а в трех других маленьких комнатах все еще лежали оригинальные потертые ковры. Розовощекий человек жил в комнате, которая когда-то была, вероятно, детской и по-прежнему щеголяла обоями с желтыми цветочками и счастливой стайкой смеющихся кроликов